

- Алексей Иванович, с ходу хочу проверить вас на скромность. Во Франции сложился обычай - раз в несколько лет избирается символ нации, как правило, из среды актеров, и лик счастливого человека, выполненный в бронзе или мраморе, устанавливается во всех префектурах страны. То Брижит Бардо, то Катрин Денев... Вы нынче в России и впрямь самый настоящий национальный герой. И вот бы ваш-то генеральский облик во все наши бывшие райкомы да исполкомы? Каково, а? Выдюжите испытание такой славой?

- Это было бы хорошо... Но не надо. Хотя как-то мой друг, художник, предложил нарисоваться у него в качестве портретируемого. "Посажу тебя в ателье на стул, посидишь, отдохнешь", - завлекал он. Но не по мне такой отдых. Мне бы поближе узнать художника, поездить с ним, пообщаться. Тогда можно и за портрет. Но к другу, наверное, все-таки загляну, мы знакомы много лет.

Слава, знаете ли, вещь очень скользкая. Сегодня ты на коне, сегодня ты весь в пудре, а завтра неизвестно, что с тобой будет, легко, как считают спортсмены, завоевать чемпионский титул, но удержать его - очень трудно. Вот почему, когда меня спрашивают, а спрашивают часто, как я отношусь к дикой моей популярности, отвечаю, что отношусь спокойно. Все, что я сделал до этого, и то, что хочу сделать дальше, уводит мою славу куда-то в сторону. Не хочется на ней заикливаться, хочется испробовать себя в ином качестве.

- Наверное, именно поэтому вы и записали диск? Новое амплуа?

- Кстати, неплохо вышло. Я, конечно, все понимаю и ни в коем случае не претендую на серьезный вокал. Скорее все эти попытки для души. Еще один прорыв в самовыражение. Не подумайте, что ради славы запел Булдаков, даже если вам и нравится, как я это делаю. Боже мой, хочется пробовать себя и пробовать. Только и всего. Время летит, надо спешить. Знаете, как я завидую художнику, его манере выражать себя? Поставил он свой мольберт, смотрит на мир, на природу, на конкретного человека и через это себя выражает. И ни от кого он не зависит, никому не подчиняется. Мы же, киноактеры, очень зависимые люди.

- Вам ли, Алексей Иванович, так жалиться! Специально для вас талантливый режиссер пишет сценарий и думает о роли. Это же дикое везение.

- Вы правы, удача, что Рогожкин и впрямь специально под меня написал роль. Но такое - почти исключение. Как правило, тебе вручают сценарий и ты начинаешь ломать и корезить все свое человеческое и актерское состояние, дабы направить энергию и талант на тот материал, который не всегда близок тебе и свойствен. Почему и завидую художникам, которые сам себе с усам. Вот и здесь, в Доме кино, где мы сидим, вы обратили внимание - вокруг нас на стенах висят картины и официанты расставляют на столах закуски. Через час - вернисаж талантливого художника, полотна которого есть даже у президента Франции...

- Вы так страстно говорите о живописи, что мне подумалось - не думаете ли о новом амплуа? Давно замечено, талантливый человек талантлив во всем. Бог дает, так уж дает.

- Угадали, есть такая мыслишка. Хочу написать, если не триптих, то две картины непременно. О детстве своем. Замысел уже созрел. О далеком детстве, о начале, как все было...

- А каким оно было, ваше детство? Что будет изображено на полотне?

- Ассоциации еще дошкольные. Наш деревенский дом, насыпная завалянка. Светит солнце, бегут кучевые облака, и я, мальчишечка, мечтаю забраться на облако и поехать-полететь. Сверху посмотреть на свою деревню. Облако мне казалось из ваты, но вата должна меня удерживать, думалось мне.

- Очень лирично... Так и слезу вышибете, Алексей

Мне так было неудобно перед всем-то коллективом.

- Ну и вы... Это стало последней каплей?

- Вроде того. После такого разбора я вскоре и оказался в Москве.

- Вы очень удачно воплотили в своих, теперь уже двух генералах, тип простого русского мужика, прямого, искреннего, хитроватого, мужественного, находчивого, юморного. Наверняка такой менталитет генетический, свойства на-туры передавались из рода в род?

- По-видимому. Все в моем роду были простыми людьми.

обыкновенное честолюбивое желание доказать, что я что-то могу, что я не верблюду.

- Скажите, было ли у Александра Рогожкина по отношению к вам ощущение полной уверенности, что он, сделав ставку на Булдакова, копает золотую жилу?

- Нескромно с моей стороны, но он всегда очень хорошо ко мне относился, мы были в приятельских отношениях, и он написал для меня несколько сценариев. Ведь до "Особенностей национальной охоты" я снялся у него в двух фильмах, к сожалению, не очень у нас замеченных. В ленте "Ради нескольких строчек", весьма симпатичной, и в "Карауле", сюжетно тяжелом фильме, завоевавшем много международных призов. Но в России, увы, не показанном.

- Но вы все-таки успели отхватить несколько премий, в том числе и "Нику". Каково же ваше ощущение дальнейшей карьеры? Или с Рогожкиным, что называется, до могилы?

- Конечно, в работе с таким художником огромная прелесть, но в заикливости есть и опасность. Возможно, что это чувствуют и другие режиссеры, которые предлагают мне сыграть у них роль генералов. Я пока, конечно же, отказываюсь. И дело здесь не в Рогожкине, у которого, кстати, я сыграл еще одного генерала в фильме "Блок-пост", а в том, что сколько же можно сидеть в одной шкуре?

- Во мне есть такое качество - прозносить тосты, только я не люблю длинных речей. Но заслуга Рогожкина здесь первостепенная. Точнее, так. Саша, делая сценарий, шел как бы от меня, он ведь очень внимательный, все подмечает в человеке.

- Как можно предвидеть, вас, наверное, не только депутаты до-стают, но и весь наш генералитет? Потрогать, пощупать хотя-бы настоящего "звездного" генерала, который и впрямь поднял по-хорошему престиж служивого бывшего человека.

- Как-то пригласили меня в Питер на празднование Дня Военно-морского флота. После концерта сидим в приемной у адмирала, капитана первого ранга, за небольшим фуршетиком. Через полчаса мне на поезд. Вдруг заходит контр-адмирал, естественно, все офицеры вскакивают, во фронт. А я сижу, мне что, я человек гражданский. А контр-адмирал вдруг говорит: "Что же, товарищ генерал, я думал, вы ко мне заглянете". - "Так в дорогу надо, в Москву, товарищ контр-адмирал". - "Нет, нет, товарищ генерал, банкетный стол уже накрыт, я жду". Сидим, тосты произносим, байки рассказываем, я на часы поглядываю, говорю: "Ой, ребята, мне пора". А контр-адмирал: "Какие проблемы, генерал, сидите спокойно, вот машина с мигалкой стоит". Конечно, все это шутя, но мне приятна такая популярность... Значит, фильм пришелся по душе.

- Это точно, по душе, думается, каждого русского человека. Не скажите. Однажды на какой-то телевизионной записи подходит ко мне редактор некоей националистической газеты: "Как же вы могли сыграть русского генерала таким пьяницей, развратником, алкоголиком?" Я говорю: "Чего-то не понял. Вы фильм-то внимательно смотрели?"

- Внимательно, и знаю, что русский генерал не может быть алкоголиком". Я парирую: "Причем здесь генерал? Как актеру, генерал мне в принципе неинтересен, генерал - это звание, которое дается человеку-профессионалу, мне же, как актеру, интересен человек, характер, натура, личность. Вы, наверное, увидели в фильме только одно - как мужики едут на охоту и пьют? Ну разве дело в этом? Так повесть же на всех наших генералов этикие нимбы и молитесь на них. Тем более на некоторых нынешних, которых по судам затаскали. Да, был маршал Жуков, Суворов был, Кутузов, великие герои. Но генералы тоже люди, и все они разные бывают. И ничто человеческое им не чуждо". Закатил я этому редактору целую речугу. И поведал о реакции на мою роль Льва Дурова. А Лева так сказал: "Я смотрел на тебя, Алексей, и так хотел, не можешь себе представить, но потом, когда фильм закончился, мне стало жутко и страшно, потому что я понял, про что кино - куда же мы идем, куда заворачиваем..."

- Переубедили оппонента?

- Немного, упертый оказался.

- Скажите, вы и впрямь сигары любите? Почему же сейчас сигаретой затягиваетесь?

- Да что вы, ненавижу эти вонючие сигары. За три фильма я так накурился, до отравления. Теперь же, как назло, полный дом дареных сигар. Просто кошмар, я их ненавижу и передаю любителям.

- Хорошо, на самом-то деле пьете ли тоже только в кино? Были ли случаи, когда написались вусмерть, и впрямь по-русски?

- Было разок-другой. Как-то полосу тяжелую переживал в жизни, находился в подвешенном состоянии, в безумном состоянии неустойчивости и в этой связи одиночества. Вот тогда и написались, каюсь.

- Какую водку предпочитаете?

- Свою, "Урожай" называется. А вообще я пива не пью, вина не пью, шампанского не пью, бормотухи не пью. Я пью только водку.

- Ваше ощущение, Россия и дальше будет пить?

- К сожалению, да. Как-то знаменитый врач Амосов мне поведал, спросив перед этим, какой у меня рост: "Вам можно выпивать каждый день 52 грамма. Это будет на пользу". Но, сами понимаете, 52 грамма - это же смех. На 52 граммах российские проблемы, связанные с кариесом, перхотью и критическими днями, ни за что не разрешить. Вот так!

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ БУЛДАКОВА

Иванович. Но, вы знаете, мне кажется, что все так и вышло. И по Фрейд, и по психологии, и по желанию Господа. На том далеком иллюзорном облаке вы и впрямь прилетели к своему счастью, схватив наконец за хвост изменчивую фортуна. Пусть не слишком рано, но и не слишком поздно. В конце концов вы оказались в Москве и, сыграв единственную роль в "Особенностях национальной охоты", проснулись... миллионером. Да, да, вам выпал казиношный шанс в миллион долларов! Такую получить роль! Так ее сыграть! Так прославиться! Вот вам и ваше кучевое облако.

- В какой-то степени это и впрямь так. Ведь сколько лет проработал я и в периферийных театрах. Все шло вроде бы хорошо, в репертуарах много работал, был плотно занят, рецензии были благожелательные, отношения с дирекциями нормальные. Ставки повышали: то актер второй категории, то первой, то высшей. Но куда-то все меня тянуло. Состояние было какое-то неумное. Последнее творческое пристанище - в Казахстане. И если бы, скажем, там настигло меня звание, может быть, и не уехал бы куда. Но директор театра все успокаивал, подожди годик, поработай еще, не бросай театр. Но вышло так, что с гастролями мы привезли в Москву, как говорили раньше, производственную пьесу "Черное золото". Весь спектакль о "направленности" или "внутренности" взрыва, столкновения мужа с женой, треугольник какой-то. В общем, кошмар. Спектакль слепили быстро - и в столицу. И вот на разборе полетов вышел театровед и резюмировал, что это была такая пьеса, что даже, цитирую, "гениальный Булдаков" в ней плох.

крестьянами.

Ни со стороны отца, ни со стороны матери не было ни одного, так сказать, интеллигента, тем более актера. Вспоминаю, кстати, реакцию матери, когда во мне проснулся интерес к лицедейству. Она сказала всего лишь одну короткую фразу: "Алексей, смотри". Интуитивно она явно понимала, что актер - не простая профессия, что это адский труд, что это жестокое ремесло и оно не терпит серости. И добавила: "Смотри, сынок, чтобы потом на меня не обижался".

- Даже по этим наставлениям видно, что ваша мама - добрая душа. Она жива-здоровая? Навещает вас в столице?

- Слава Богу, жива-здоровая. Но в Москве не бывает, далеко, дорого, да и боится, к сожалению, с ногами у нее плохо.

- Земляки-то не думают превращать родительский дом в музей взлетевшего под небеса сокола?

- Как-то встретились с министром культуры Алтайского края, он и говорит: "Давай, Алексей, готовь экспонаты в краеведческий музей, уголок уже подготовили, будешь вместе с Валерой Золотухиным патриотизм воспитывать в массах". А на днях я получил звание заслуженного артиста России.

- Поздравляю вас от всех "Мировоистов" почитателей вашего таланта. Думается мне, что и до народного дотянете. Как некто говорил, процесс пошел... Скажите, Алексей Иванович, ворвавшись точно метеор в кинобонданную столицу, вы, по-вашему мнению, заняли свою нишу в кинематографе или чью-то, пустовавшую, неустраиванную до вас?

- Нет, я так не думаю. Точнее, не думал ни о каких-то особенных подвигах. Но вы верно подметили, я, по-видимому, занял свою нишу. Нет, не для того, чтобы поразить, сразить наповал кого-то, нет. Было

- Вы имеете в виду шкуру генерала? Да, но генералы-то все разные.

Вот мы с вами сидим в домактерском ресторане, пусть Рогожкин напишет под вас новую канву: "Особенности национального буфета", например. А вы, отставной генерал, за стойкой бара. Вполне впишетесь.

- Вы как в воду смотрите, два дня назад я вернулся из Санкт-Петербурга, где встречался с Сашей, который меня ошарашил: он работает над сценарием "Особенности национальной политики". Параллельно, кстати, с "Особенностями национальной секса".

- И это все для вас?

- В принципе да. Ведь национальная тема необъятна. Другое дело, боюсь повториться, заштамповаться. Надо, чтобы каждая особенность была и впрямь особенной. Вкусной, сочной, неповторяющейся. Как такое выдержать, ведь я понимаю, что игра пойдут уже на грани фола, чуть вправо, чуть влево - уже пошлятина и безвкусице.

- "Особенности национальной охоты", насколько мне известно, вы показывали в Государственной Думе. Какова была реакция наших боевых депутатов?

- Все они спрашивали меня, почему я как бы Лебедеву симпатизирую. А особенно один депутат прицепился ко мне, прямо-таки достал. Пришлось ему ответить резковато: "Ну интересен мне этот генерал и как человек, и как военный. Были бы вы мне интересны, я сыграл бы и вас".

- Скажите, тосты, которые вы произносите в фильмах, это, что называется, "тамадным" началом сидело в вас и до "Особенностей..." или пришлось выучиться главенствовать за столом по ходу действия?

Феликс Медведев